

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 1(091)

ЛОГОС: ОТ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА К РАЦИОНАЛЬНОМУ МЫШЛЕНИЮ

В.В. Ходыкин

ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет»,
г. Самара

В предлагаемом исследовании речь идет о зарождении и поэтапном систематическом развитии рационального мышления в рамках так называемого античного Логоса на базе мифопоэтического взгляда на мир. В качестве его основы рассматривается возникшее в эллинистической культуре принципиально новое восприятие истины, основанное прежде всего на аргументированных доказательствах, активно способствующих целостному восприятию мира.

***Ключевые слова:** рациональное мышление, разум, Логос, мифопоэтическая картина мира, истина, аргументированные доказательства.*

Можно смело утверждать, что с самого момента возникновения интереса к процессу познания возникают различные гносеологические концепции, которые занимаются поиском путей, ведущих нас к знанию посредством разума. Рефлексия стремится адекватно отразить окружающую действительность, сосредоточивает усилия на решении вопросов о том, какой путь ведет к истине и в чем заключается рациональный критерий истины.

Отличительной особенностью философии становится опора на принципы рационального доказательства и обоснования. Так происходит поэтапный систематический процесс отхода от мифологической картины мира, при сохранении с ней определенного родства. В эллинистической культуре сложилось принципиально новое восприятие истины, которая стала рассматриваться как результат аргументированного доказательства. И это служит основным отличием от веры, которая подкреплялась прежде всего авторитетом целого ряда традиций в прежней мифопоэтической картине мира. В философию переходит установка на целостное понимание мира. Подобно мифу посредством рефлексии выявляются определенного рода абсолютные истины. В свою очередь, это придает философским установкам рациональные черты, отдаленно напоминающие мифологические представления.

Рефлексия стремится к сознательному рациональному конструированию особых реальностей, которые не всегда однозначно могут верифицироваться окружающей действительностью. Можно сказать, что рационализм возникает на базе древнегреческого Логоса. Еще Гераклит

под Логосом понимал некий закон или порядок, т. е. некое извечное, всеобщее и необходимое начало. Несколько позднее Логос в греческой традиции стали воспринимать как единство слова и мысли, т. е. мысль в слове, разум, логический принцип, метод и некий универсальный критерий. Таким образом, тогдашнюю философию роднит с мифом наличие диалога. Следовательно, античный философ, впрочем, как и любой другой, должен был уметь вслушиваться и говорить, обеспечивать диалог человека с другим человеком или с Космосом.

В рамках анализа возникновения рационального мышления можно обратить внимание на две, на наш взгляд, интересные точки зрения. В одном случае предлагается версия, согласно которой, рациональное мышление, а вслед за ним и научное знание возникают уже на базе мифологического мировоззрения. В данном контексте примечателен тот факт, что такой позиции придерживается ряд известных зарубежных мыслителей, таких, как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Тейлор, Ф. Корнфорд, Дж. Томпсон. Согласно другой точке зрения, говорится, что «уже на первобытной ступени своего развития наука не имеет ничего общего с мифологией, хотя в силу исторической обстановки и существуют как мифологически окрашенная наука, так и научно осознанная или хотя бы примитивно трактованная мифология» [7, с. 46]. При этом предлагается еще и промежуточная позиция по данному вопросу, которая учитывает в определенной степени диалектическую взаимосвязь мифологического и научного способов мышления [13, с. 37–52].

Рационалистическое преодоление мифологического сознания приводит к тому, что проблемы добра и зла, блага, ответственности и другие начинают ставиться в рациональной форме с последовательными обоснованиями и доказательствами выдвигаемых утверждений. Субъект мыслительной деятельности становится полноценной личностью. Конечное знание как, впрочем, и сфера эмоциональных переживаний человека, приобретает все более и более весомое значение в разных аспектах жизни тогдашнего общества.

Все это во взаимодействии и создает столь необходимые условия для зарождения и последующего формирования интересующего нас явления рациональности как таковой. Правда по мнению ряда исследователей, рациональность в то время носила преимущественно, если так можно выразиться, «преднаучный» характер.

Но справедливости ради надо заметить, что активно развивающаяся античная мысль не абсолютизирует рационалистическую установку, так как в ней значительное место отводится и образному восприятию мира. В результате мы можем обнаружить здесь весьма своеобразное гармоничное представление о мире и о месте человека в нем. При этом гармония мира может быть практически абсолютной. Разум лежит в основе всего восприятия мира. Посредством разума очень многое объясняется и обосновывается, а мир демонстрируется не только как

нечто внешнее, но и как особое творение человека. Мыслитель улавливает гармонию разумности бытия, раскрывающуюся для нас в виде системы понятий и категорий, в виде разумной логики бытия.

Греческое мышление активно способствовало преодолению мифологического сознания и созданию некоей системы абстрактных понятий как необходимой базы для философии, осуществив тем самым переход от мифа к логосу. В центре греческой философии стоит диалектика как способ мыслительного связывания в единое гармоничное целое внешне несовместимых сторон предмета или явления, противоречий, содержащихся в них. Мир трактуется как диалектическое единство идеи и материи, души и ума, он является чувственно-материальным и управляется космическим Умом. Античная мысль в этой связи обратила взоры прежде всего на проблемы мироздания в рамках натурфилософии.

В числе важнейших достижений античной мысли следует рассматривать учение о Логосе. Привычное для нас значение «логоса» заключается порой просто в какой-нибудь упорядоченной речи, беседе, разумном суждении, решении какого-либо рода задач. С философской точки зрения логос начинают воспринимать как процесс рационального логического проникновения рефлексиирующего человека в смысл явлений, противостоящий так называемому иррациональному мышлению.

В частности, уже Гераклит полагал, что речь сама по себе способна упорядочивать, придавать смысл отдельным звукам, хотя и необходимо говорить или изрекать свой логос с умом. Логос, будучи чем-то объективным, субстратным, выступает выражением деятельности самого Космоса по упорядочиванию мира, т.е. это все то, что противостоит бесформенному хаосу [6, с. 19]. Можно сказать, что в данном случае восприятие Речи или Логоса сродни пониманию мирового порядка, мирового устройства. В данном контексте Космос и Логос представляются вечными и неизменными, согласно чему все происходило, происходит и будет происходить.

Еще при зарождении античной мысли возникла идея о том, что за изменчивостью и разнообразием окружающего нас мира стоит определенное рациональное единство и порядок. Это породило поиски некоего основополагающего принципа, начала всех начал – *arche* – основы бытия. Такое положение вещей пришло на смену прежнему мифологическому мировоззрению прежде всего за счет неких концептуальных объяснений, базирующихся на наблюдении за окружающей действительностью.

В частности, Парменид предложил искать рациональное разрешение проблемы подлинной реальности при помощи средств абстрактной логики. Мыслитель использовал сочетание элементов мифических концепций с зарождающимися элементами разума. По его словам, благодаря божественному откровению, он нашел путь к дедуктивной логике, которая была беспрецедентна по своей строгости. Подобного рода элементы логики впервые подтолкнули античную философию к рассмотрению та-

ких проблем, как различия между действительным и кажущимся, между рациональной истиной и чувственным восприятием, между бытием и становлением. Важным здесь оказалось утверждение Парменида о том, что роль независимого и верховного судьи относительно действительности принадлежит человеческому разуму. Серьезным аргументом послужило то, что все, что реально, – интеллигибельно, т. е. является предметом умственного восприятия, а не физического ощущения.

Платон также не обходит вниманием мышление в своих исследованиях. В данном контексте, не предпринимая, по крайней мере, формального расчленения мудрости, Платон дал в ряде диалогов описание высшего типа знания, восходящего от эмпирической реальности к бестелесным сущностям («идеям») по иерархической лестнице понятий и нисходящего обратно к чувственному миру. Можно вспомнить, в частности, его определение мышления в «Теэтет» как беззвучной беседы души с самой собой [8, с. 338–339]. В какой-то степени здесь могло оказать влияние общее отношение Платона к миру становления. «...Все, о чем говорится как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность» [9, с. 13].

По Аристотелю, научное познание осуществляется всегда от явного самого по себе к тому, что может стать явным через другое. Методом познания выступает логическое рассуждение. Таким образом, в основе всякого доказательства должна лежать некоторая истина, которая уже в обосновании не нуждается, а сама служит для обоснования следующих ступеней доказательства. Сфера таких истин в каждой науке своя. Причем это могут быть как общие принципы данной науки или мышления вообще, так и просто конкретные явления.

Также важной проблемой в подходе к мышлению является степень единства мышления у всех людей и возможность «другого» мышления. Истоки этой проблемы можно найти у Гомера. В «Одиссее» Гомер говорит о муже Одиссее, который узнал многих людей города и ум [3, с. 154]. В то время ум выступал чем-то вроде индивидуальной характеристики того или иного человека или народа, а не общим достоянием всех людей. Гомер четко не разделяет ум и мышление с чувственностью. Ум и мышление настолько сближаются с чувственным опытом, что иногда эти слова трудно понимать иначе, как «ощущение, восприятие» [4, с. 34]. Мышление при таком подходе не может быть чем-то единым для всех людей и оказывается зависимым от различных индивидуальных свойств человека. Это, в свою очередь, создавало сложности для возникновения науки, нуждающейся в единой среде установления смысла, что возможно только при допущении как предпосылки определенного единства мышления.

В этой связи будет интересно рассмотреть определенные аспекты в подходе к познанию и мышлению в философии Платона. Античный классик, полагая мир идей наиболее реальным и истинным, утверждал,

что подлинным и истинным следует считать познание именно идей. При этом познание доступных чувственному восприятию вещей он считал, наоборот, чем-то иллюзорным и неподлинным. Познание же идей Платон связывал напрямую с действиями разума, производимыми посредством понятийного мышления, абстрагирования от конкретных характеристик единичных вещей и процессов. А чувственное познание Платон рассматривал как вспомогательное, в связи с тем, что оно содержит информацию только о внешней составляющей вещи, принадлежащей неподлинному и кажущемуся бытию. «Прежде всего, надо познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь; суметь определить все соответственно с этой истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не подлежит делению» [8, с. 189].

При этом, во-первых, в платоновской метафизике следует выделить идею очищения и восхождения души как цель философии. Познание истины осуществляется у Платона как результат растянутого во времени преобразования души средствами воспитания, главное из которых – философия. Во-вторых, идея подчиненности всякого позитивного знания воспитательно-очистительной задаче («Государство»). Так, геометрию нужно изучать прежде всего для того, чтобы приучить душу к созерцанию эйдосов без материи [9, с. 308–311]. На этом основании обнаруживается неполнота и отсутствие самостоятельной ценности в конкретном знании.

В данном ключе объясняют также иронию Сократа в диалогах Платона и недоверие философа к письменной фиксации знаний («Федр»). Знание обретает смысл, если является ступенью на лестнице восхождения души. Что же касается цели этого восхождения, высшего знания, то оно достижимо философом при жизни и после смерти, но в понятиях невыразимо. Отсюда важность мифологического и образного элементов в философии Платона (миф о пещере или образ Солнца – Блага в «Государстве»). Платон признает, что некоторые его идеи всего лишь правдоподобные мифы. Они полезны, если содействуют обращению души к созерцанию истины. Мифы нужны, так как о мире становления, от которого должен отталкиваться философ на первых ступенях восхождения души, никакого достоверного знания быть не может.

Аристотель в данной ситуации ставит задачу обосновать мышление со всеми его человеческими свойствами как достоверное и истинное. У античного мыслителя возникает ряд идей по этому поводу. Во-первых, отказ от гипостазирования и мифологизации интуитивного мышления, поскольку это лишь часть мышления, а не отдельная познавательная способность. Во-вторых, происходит обоснование истины дискурсивного мышления. Аристотель доказывает безошибочность правильного дискурсивного мышления, следующего логическому методу. Теория истины возникает как для дискурсивного, так и для интуи-

тивного мышления. В результате научное интуитивно-дискурсивное мышление, становится высшей ценностью человеческой жизни.

Аристотелем «был разработан образ той разновидности научного познания, которую можно назвать эмпирической или фактуальной описательной наукой, отличая последнюю как от замкнутой теоретической науки, примером которой является античная геометрия, так и от экспериментально-математического естествознания Нового времени» [14, с. 142]. В данном контексте «эмпирическую науку» можно рассматривать в качестве некоего самого простого инструментария опытного освоения всей многоаспектности явлений и процессов окружающей действительности.

Аристотель в трактате «О душе» утверждал, что «не относящиеся ни к какой деятельности истинное и ложное – одного рода с благом или злом. Разница в том, что истинное и ложное берутся безотносительно, а благо и зло – в отношении к чему-нибудь» [1, с. 439]. Поскольку перед данным текстом Аристотель повторяет рассуждение о том, что предмет стремления и избегания для размышляющей души, направленной на действие (благо или зло), должен обязательно быть выражен в представлениях [там же, с. 438], то можно предположить, что и истина и ложь, чтобы вызвать в уме движение, тоже должны, по Аристотелю, быть выражены в представлениях.

Сложное дискурсивное мышление с множеством типов связей между эйдосами может соответствовать бытию, если это бытие тоже сложное с разными типами связей. Сущности, а также и их качества, количества, отношения, время, место в аристотелевской картине мира существуют по-разному. В книге «Метафизика» Аристотель выделяет четыре основных значения сущего: бытие привходящего, бытие категорий, бытие в смысле истины и бытие как возможное и действительное. «...Следует, по-видимому, считать невозможным, чтобы отдельно друг от друга существовали сущность и то, сущность чего она есть; как могут поэтому идеи, если они сущность вещей, существовать отдельно от них?» [там же, с. 330]. Для преодоления разрыва мышления и бытия в дискурсивном мышлении возникает необходимость логического метода, который у Аристотеля строится как наука о правильном сочетании понятий (эйдосов) в суждениях. Таким образом, возникает потребность в рациональном научном методе.

В аристотелевской теории мышления важно наличие в человеке наряду с интуитивным мышлением дискурсивного, связь мышления с воображением и стремлением, а также понимание человеческого ума как чистой способности. Ум, воспринимаемый как чистая способность, становится, таким образом, единой для всех людей мерой истины и смысла. Это обеспечило возможность развития общезначимой науки. А неполное совпадение дискурсивного мышления с бытием в философии Аристотеля сделало необходимым возникновение научного метода.

После Аристотеля в поздней Античности рефлексию и на ее основе элементы рационального познания можно обнаружить в трудах эллинистических школ. Прежде всего, в данном контексте следует вспомнить эпикурейцев. Их мысль в целом можно признать эмпирической. Подлинным источником в познании, который никогда не подводит человека, выступают для Эпикура чувства. Разум здесь трудно представить как самостоятельный и не зависимый от чувств источник знания. Объективно существующие вещи «источают» потоки атомов, благодаря чему образы вещей запечатлеваются в воспринимающей их душе. Результаты этого воздействия, ощущения истинны, если соответствуют вещам, и ложны, если передают только видимость соответствия вещам. Ощущения являются основой для формирования представлений, которые сохраняются в памяти и тем самым образуют опыт.

В покоем ключе видят основу рационального познания стоики. Согласно их концепции, восприятие, получаемое от воздействия предмета на органы чувств, выступает фундаментом познания. Восприятие меняет состояние материальной души человека, согласно Хрисиппу, или даже определенным образом «вдавливается» в нее подобно воску, по мнению Зенона. То впечатление, которое в результате возникает, составляет основу для соотнесения с представлениями других людей. Представления можно полагать истинными, если подобные присутствуют у целого ряда людей. Отсюда вытекает заключение о том, что совместное переживание представлений говорит об объективности и выступает критерием их истинности, т.е. соответствия действительности. Резюмируя можно полагать, что понятия возникают у стоиков как общее различных восприятий и при этом как некое предвосхищение внутреннего логоса.

Скептицизм, прежде всего, в лице Пиррона из Элиса и Секста Эмпирика, постулирует общий принцип относительности всего окружающего бытия, а также мыслей и действий человека. В результате – вывод о невозможности познания самого Космоса. В этой связи скептики полагают, что вовсе не следует стремиться познать бытие как таковое. Они предлагают просто жить, не высказывая никаких претендующих на истину суждений и сохраняя внутреннее спокойствие. В частности, «Диоген передает рассказ Посидония о Пирроне, который при виде свиньи, спокойно питавшейся во время морской бури, когда весь корабль был охвачен страхом, заметил: и философу следовало бы пребывать в такой безмятежности» [15, с. 182]. Дать ответы на вопросы «Что есть истина?» или «Что, откуда и как происходит?» по мнению скептиков, становится очень сложно.

А.Н. Чанышев писал: «Агностицизм скептиков не может быть поставлен им в заслугу... скептицизм... поставил проблему знания и истины, обратил внимание на философский плюрализм. Достоинством скептицизма является его антидогматизм. О скептицизме можно ска-

зять, что он двояк. Непосредственно он ведет к агностицизму, учит о непознаваемости мира. Опосредствовано же он толкает философскую мысль на поиск критерия истины, вообще возбуждает интерес к проблеме философского знания, его сходства с научным знанием и его отличия от него» [12, с. 150]. И. Кант полагал, что скептики поставили под сомнение первые опыты построения рациональной рефлексии: «Попытки создать такую науку были даже, без сомнения, первою причиной возникшего столь рано скептицизма, в котором разум действует сам против себя так насильственно, что подобный образ мыслей мог появиться только при совершенном отчаянии достигнуть удовлетворительного разрешения важнейших задач разума» [5, с. 31].

В среде исследователей бытует предложение выделить в формировании рациональности в античную эпоху ряд фундаментальных теоретических компонентов таких как методы абстракции, дедукции, идеализации, техника логической аргументации и обоснования, а также систематизация полученного знания и выявление причинно-следственных связей [10, с. 129–130]. Возможно, основой для возникновения и дальнейшего развития таких компонентов как раз послужил переход от чувственно-конкретного мировосприятия к разумно-рациональному освоению мира [11, с. 44–47]. В то время сама истина стала восприниматься как объективный компонент действительности, независимый от таких субъективных факторов, как всевозможные предпочтения и интересы людей.

Все сказанное стало, в том числе, и следствием развития определенной техники рационально-логического обоснования разного рода предположений, позиций, концепций, а также правил оперирования понятиями. Античное рациональное мышление обнаружило разницу между сущностью бытия и всевозможными формами его проявления в непосредственном опыте. Это привело тогдашних философов к необходимости глубокого детального исследования логики и содержания мышления как такового.

Так в недрах античной мысли возникли зачатки будущей науки и научной рациональности с целенаправленной осознанной разработкой смыслов, выражающих систему общезначимых воззрений на окружающий мир и место в нем человека, принимающего Логос. В результате, как уже говорилось, на свет появился весьма своеобразный исторически первый тип теоретической рациональности, сменивший мифопоэтическое видение действительности.

Рационалистическая традиция, которая возникла в античную эпоху, приобрела в то же время очень важное цивилизационное значение. В данной связи можно вспомнить, как Андре Боннар по этому поводу высказал мысль, что «греческий народ был совершенно таким же народом, как и всякий другой... Его цивилизация распускалась и возвращалась на том же черноземе суеверий и мерзостей, на котором выросли все народы мира... Именно этот примитивный, легковверный и

жестокий народ изобрел... цивилизацию – нашу с вами цивилизацию» [2, с. 19–20]. Эллинистическая культура, в которой центральное место принадлежало философии, своими рационалистическими традициями предопределила рационально-технологический путь развития нашей цивилизации со всевозможными ее достижениями во все последующие эпохи, в том числе и современную.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
2. Боннар А. Греческая цивилизация: в 3 т. М.: Искусство, 1992. Т. 1. От Илиады до Парфенона. С. 19–20.
3. Гомер. Илиада. Одиссея. М.: Просвещение, 1987. 399 с.
4. Гостев А.В. Проблема человеческого мышления в трактате Аристотеля «О душе» // Знание и традиция в истории мировой философии: сб. ст. М.: РОССПЭН, 2001. С. 30–67.
5. Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки / пер. В. Соловьева. М.: Академический проект, 1993. 544 с.
6. Кузнецов В.Г., Кузнецова И.Д., Миронов В.В., Момджян К.Х. Философия: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2004. 519 с.
7. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 528 с.
9. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. 654 с.
10. Стоцкая Т.Г. Феномен рациональности: сущность, исторические формы, типологические параметры. Самара: СГА-СУ, 2009. 226 с.
11. Тарнас Р. История западного мышления / пер. Т.А. Азаркович. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. 448 с.
12. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М.: Высшая школа, 1991. 514 с.
13. Черняк В.С. Мифологические истоки научной рациональности // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 37–52.
14. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М.: Политздат, 1984. 232 с.
15. Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. 376 с.

LOGOS: FROM THE MYTHIC-POETICAL PICTURE OF THE WORLD TO RATIONAL THINKING

V.V. Khodykin

Samara State Aerospace University, Samara

The article is focused on the genesis and gradual systematic development of rational thinking within the framework of the Antique Logos on the basis of mythic-poetical world interpretation. Emerging in the Hellenistic culture, the new understanding of truth based primarily on the rational arguments that actively supported the total world vision should be interpreted as a foundation of rational thinking.

Keywords: *rational thinking, reason, Logos, mythic-poetical picture of the world, truth, rational proof.*

Об авторе:

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Самарский государственный аэрокосмический университет», Самара. E-mail: Vkhodykin@yandex.ru

Author information:

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – Ph.D., Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and history, Samara State Aerospace University, Samara. E-mail: Vkhodykin@yandex.ru